ПО СЛЕДАМ ГРОМКИХ ДЕЛ

Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ – КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ, написанные по всем законам жанра:

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На рандеву с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным троном
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулка
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина, последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

УМРУ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*
Литературный агент *Ольга Рубис*
Оформление серии *С. Курбатова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

eksmo.ru

МЫ В СОЦСЕТЯХ:
eksmo
eksmo.ru

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Умру вместе с тобой / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-166587-6

Расследование нового запутанного и сложного дела приводит криминального обозревателя Пресс-центра ГУВД Екатерину Петровскую и ее друга Сергея Мещерского в Музей Востока. Именно там работала Афия Бадьянова-Асанте, обнаруженная убитой на берегу озера. А за день до этого с моста прямо под колеса поезда прыгнула Алла Полозова. Правда, машинист утверждает, что никакого самоубийства не было, а женщину на пути толкнула неведомая сила. Эти два таких непохожих, казалось бы, дела сплетаются в одно, жертвы в котором растут с геометрической прогрессией. Все ниточки ведут в Музей Востока, где проходит выставка африканского искусства. А главный экспонат — Черная голова из эбенового дерева с настоящими человеческими зубами — словно требует все новых и новых смертей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166587-6

© Степанова Т.Ю., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

... Кусок сумрачного сериала, снятого в соответствии с канонами новой искренности, ручной камерой, подрагивающей от правды жизни.

Виктор Пелевин. Бэтман Аполло

Глава 1

«... ДАЖЕ СВЕТЛЫЕ ПОДВИГИ – ЭТО ТОЛЬКО...»

Одинцово. Николина Гора
Пятнадцать лет назад

Военный вертолет завис над лесом — и в мгновение ока переместился влево, приближаясь к низким корпусам школы искусств. В прошлом это была общеобразовательная школа, она пережила внушительный ремонт, внутреннюю перепланировку, отделку, но так и осталась в памяти Одинцова «школой с большой историей», которую сломать нельзя, несмотря на старые приземистые корпуса мрачного казарменного дизайна, ныне обшитые новомодными яркими панелями. Словно кубики на фоне соснового леса и других близлежащих строений — знаменитого пансионата Николиной Горы «Сосны», где в разные времена лечились от недугов сильные мира, принимая уникальные «жемчужные ванны», про которые еще со времен Политбюро ходили сплетни в народе, и проходили различные программы омоложения и восстановления половых функций в почти мистическом тайном отделе геронтологии.

Школа Одинцова, где учились дети и внуки тех, кто раньше месяцами и годами проживал на государственных дачах, а ныне обретался в поместьях и дворцах, преобразовалась в воскресную школу искусств, в которой новые дети — внуки и правнуки тех, прежних — занимались

дизайном, йогой, балетом, корпели на уроках китайской каллиграфии, танцевали в большом зале — звуки вальса, звуки танго...

Выстрел!

Автоматная очередь!

С крыши школы искусств по военному вертолету, где сидели снайперы, палили из автомата. Стрелявшего не было видно: он прятался за огромными «тарелками» спутниковой связи, усеявшими крышу школы, словно грибы. Но вот он показался на миг — темная фигура, одетая в мешковатую куртку явно на несколько размеров больше. Лицо закрывала черная балаклава.

— Ближе! — сквозь гул винта кричал спецназовец пилоту, сжимая в руках оптическую винтовку и стараясь в краткие доли секунды поймать в прицел фигуру в черном.

Автоматная очередь!

Человек на крыше проорал что-то хрипло, торжествующе и поднял автомат вверх, поливая приближающийся вертолет очередями.

— Он нас достанет!

Снайпер на своих «качелях» болтался у борта вертолета. Он сделал глубокий вдох и...

Все произошло одновременно — выстрел снайперской винтовки и...

Человек в черном рванул на себе мешковатую куртку, открывая всего себя снайперской пуле, — словно почувствовал, что будет убит. Под курткой — жилет «смертника» с гранатами, аккуратно уложенными в «гнезда». Пилот ничего не мог сделать — никакого маневра не оставалось для вертолета, который был уже обречен. Снайперская пуля угодила смертнику прямо в сердце — меткий выстрел, но он же стал и роковым для всех них. Потому что в кармашке пояса «смертника» пряталась граната — прямо там, у сердца. И она взорвалась. И за ней сдетонировал весь пояс.

Взрыв был такой силы, что в пансионате «Сосны» задрожали стекла.

Куски арматуры, белые тарелки спутниковой связи, острые куски металла — все, все разом взметнулось в воздух, и взрывная волна принесла этот вихрь к ним. Вертолет швырнуло вверх, потом вниз. Вылетело лобовое стекло. Снайперу куском железа снесло полголовы, пилота ослепило — взорвался бензобак.

И вертолет завалился на бок, стремительно падая куда-то туда — за корпуса пансионата управделами, за сосновый бор, за вековые деревья, за теннисные корты, земляничные поляны, что в мае месяце еще не плодоносили — за леса, за горы, за тридевятое царство.

Упал.

Взорвался.

Те, кто стоял в оцеплении на удалении от школы искусств: спецназ, военные, — все эти такие бессильные сейчас антитеррористические силы видели вертолет. Его конец. Огненный шар над лесом.

И — столб дыма.

Видели все это и с террасы солярия пансионата «Сосны», где какой-то сильный мира — чин в распахнутом махровом халате (прямо с процедур), в семейных трусах, встрепанный, красный, потрясенный зрелищем авиакатастрофы, что-то орал в телефонную трубку почти ископаемого — еще с восьмидесятых — «старого доброго» телефона спецсвязи (еще с крутящимся диском, каких не встретишь больше, наверное, уже нигде в Москве и в стране — может, лишь на какой-то почте под Воркутой или же здесь, в кремлевских «Соснах», где панически боялись гаджетов и не доверяли мобильным телефонам (подслушают, расшифруют! Взломают хакеры!). А стоявший перед чином навытяжку офицер спецсвязи с катушкой телефонного провода, словно робот,

крутил ручку катушки-лебедки, все удлиняя и удлиняя телефонный шнур, потому что чин то и дело выбегал на соседнюю террасу, стараясь рассмотреть сам лично, что там творится за лесом, где упал вертолет, что происходит у школы искусств, где в заложниках у террористов оказались дети.

Их — тех, кто взял в заложники школу, выслеживали несколько дней после устроенных ими взрывов на рейсовых автобусах в Москве и Подмосковье. Рано утром подозрительную машину остановил патруль ДПС на шоссе. И террористы его хладнокровно расстреляли в упор. А потом, преследуемые погоней, они очутились в Одинцове. Никто даже не думал, что они проникнут на территорию Николиной Горы, но это же дачный поселок, пусть и элитный, а не военная крепость.

Их было трое вначале.

— Сколько их сейчас? — орал в рацию генерал в форме без опознавательных знаков, командующий антитеррористической операцией. — Сколько их осталось?

Он стоял за бэтээром — оцепление протянули на удалении от здания школы. Десятки машин, фургоны спецназа, ГИБДД, полиция. Пригнали всех. Но удача пока никому не улыбнулась. И кто-то уже погиб там, в школе, при попытке вывести детей из здания.

— Двое или один! — отвечала рация. — Тот, кто на крыше, — мертв. Но внутри... Возможно, один погиб при первом штурме. Значит, еще один.

— Один? Точно?

— Или двое.

— Там мой муж! Сделайте же что-нибудь! Там мой муж!

Это истерически кричала молодая женщина в дорогом спортивном костюме, глубоко беременная, на восьмом месяце. Она вырвалась из рук спецназовца,

который хотел передать ее врачам «Скорой», но не сумел. Потому что просто не мог с ней справиться: силы беременной утроились. Она била его по плечам, старалась вырваться:

— Там мой муж! Пустите меня!

— Уберите ее! Увезите отсюда! Нам только преждевременных родов тут не хватало! — цедил генерал в форме без опознавательных знаков в рацию. — Да кто она такая, господи?

— Она там занималась... там курсы для будущих матерей, в том флигеле... «Мать и дитя». Йога, что ли... Она там что-то забыла — вроде сумку, а муж за ней приехал и пошел туда за этим. А тут стрельба. Он там остался внутри вместе с преподавателями и детьми.

— Там женщины и дети. Племянница губернатора... она там тоже... балетный класс... Ей десять. И остальным примерно столько же. Там педагоги, преподавательница балетного класса... ее ребенок малолетний, она его взяла с собой, оставить было не с кем, как мы выяснили. Но кто там погиб во время штурма, при первой попытке, мы не знаем. Такой взрыв был... Но наши все там... никто не вышел... и педагоги, учителя...

— Этот... муж... узнали о нем — он не военный?

— Он местный муниципальный депутат. Из Одинцова. Его фамилия, кажется, Романов.

Генерал опустил рацию.

Кричащую женщину затолкали в «Скорую», которая развернулась и помчалась прочь от этого страшного места. Но остались еще «Скорые», другие машины. А там, вдали, в оцеплении — родственники, родители тех, кто был в школе.

Крики и плач.

Рыдания...

Вой...

Они все ощущали запах гари от взорвавшегося вертолета. На место его падения уже поехали пожарные расчеты, но пламя и дым...

Пламя и дым...

Их ощущали и внутри захваченной школы.

Кто-то в ее стенах пел, хрипло орал молитву. Кто-то ликовал, призывая победу к своим и кары на головы всех врагов, пусть лишь сунутся сюда, в это место смерти.

Осколки стекла в школьном вестибюле на полу. Выбитое при штурме окно. Пятна крови. Лужи крови.

Человеческие останки, разбросанные взрывами гранат от стены к стене...

Первый штурм окончился крахом для штурмовавших. Они все остались здесь. Их было уже трудно опознать. Но двенадцать детей успели в этой кровавой каше выбежать из того флигеля, что на первом этаже. А те, кто остался на втором, уже не имели надежды.

Балетный класс. Майское солнце. Огромные зеркала в пол. Балетный станок.

Девочки, маленькие балерины в грязных юбочках, скорчившиеся в углу.

Избитая в кровь учительница балетных танцев — на полу. Она оттолкнула от себя человека в черной мешковатой куртке, когда он схватил ее за волосы, пытаясь поставить на колени. А тот ударил ее прикладом автомата в лицо, выбив зубы.

Пятилетний сын учительницы балета (тот малыш, которого в этот роковой воскресный день не с кем было оставить) сидел на полу. Каждый раз, когда он пытался подползти к матери, человек в черном отбрасывал его пинком ноги назад, словно надоедливого щенка.

Человек в черном сейчас был занят: он чутко прислушивался к внешним звукам, но не подходил к окнам. Он

словно исполнял какой-то чудовищный ритуальный танец на теле мужчины, распростертого на полу.

Он топтал его ногами.

Он убивал его.

Удары кованого ботинка сыпались градом — в пах, в грудь, в живот, в голову.

Избиваемый Романов, тридцати пяти лет от роду, не был ни атлетом, ни спецназовцем — он был гражданским. И он ничего толком не знал о контртеррористических операциях. И о методах борьбы...

Он просто пытался после каждого сокрушительного удара встать на ноги.

Он пытался подняться.

Он не желал умирать, словно червяк, раздавленный в пыли.

Удар в живот...

Вот он встал на колени, упершись в пол руками.

Удар в бок...

Избитая учительница балета закричала пронзительно:

— Не бейте его!

Удар...

Еще удар...

— Не бей его!

— Бери щенка в охапку, иди с ним к окну! — хрипло приказал человек в черном. — Гони свое стадо, женщина, к окнам! Эй, все вы, вставайте! Живо! Я кому сказал!

— Девочки, сидите, не вставайте! — закричала учительница своим подопечным балеринам. — Не подходите к окнам!

— Ты смерти ищешь, сука? Я тебя спрашиваю? Ты смерти ищешь?! Ну-ка встать! Все к окнам!

— Оставайтесь на месте! — из последних сил прохрипел Романов. — Они не станут тебе живым щитом!

— Встать! — заорал человек в черном, оборачиваясь к детям в углу балетного класса и их учительнице. — Встать всем! Все на подоконник!

Но они не покинули своего убежища, потому что их учительница с выбитыми прикладом зубами отчаянно замахала руками — нет, нет!

И тогда человек в черном вскинул автомат и прошил ее очередью.

Ее пятилетний сын быстро вскочил на ноги, ринулся к ней.

Романов в этот миг не ощущал ничего: ни боли, ни близости смерти. Избитое тело вдруг стало послушным, гибким, гуттаперчевым. И в сильном броске он швырнул себя на человека в черном.

Сшиб его с ног, выбивая из рук автомат.

Как это удалось?

Но автомат отлетел к стене.

А человек в черном шмякнулся навзничь, но тут же упруго, как барс, вскочил сначала на корточки, потом встал, выпрямился, рванул на себе куртку, под которой был надет на футболку такой же пояс — жилет смертника, где ждала своего часа не взрывчатка, нет, но боевые гранаты.

Он выхватил одну, сорвал чеку и швырнул в сторону Романова.

Граната упала на пол и...

Раз, два, три...

Взрыва нет...

Раз, три, пять...

Взрыва нет...

Романов подхватил гранату без чеки. Человек в черном впился в него взглядом, оценивая.

Три, пять семь...

Возвращаю подарок!

В следующую секунду Романов подмял под себя пятилетнего ребенка, закрывая его своим телом, прижимая к полу...

Успел еще крикнуть девочкам-балеринам в углу:

— Бегите! Скорей!!!

Топот маленьких ног. Террорист не успел среагировать на убегающих детей: граната без чеки поразила его как камень из пращи, ударилась о другую гранату в кармане-гнезде пояса смертника.

Доли секунды...

Удивление на бородатом лице... Ужас в глазах и...

Топот маленьких ног уже по коридору. Прочь! Балетный класс опустел.

А пояс смертника взорвался!

Вопль!

Алый фонтан!

Пороховой дым...

Осколки гранаты впились в тело Романова. Такая боль...

Последним усилием он притиснул кричащего мальчика к полу балетного класса, свято веря, что умирает не зря. Что, если уж и не суждено ему быть в этой жизни отцом своего ребенка, тогда он послужит щитом, оградой, броней ребенку чужому.

В этот миг он не боялся смерти.

Абсолютно.

И может, поэтому Смерть не взяла его.

Это было в мае в Одинцове. На Николиной Горе.

Потом наступило лето. Самое обычное. Для некоторых. А для других — с госпиталями, реанимацией, операциями, операциями — на ногах, на позвоночнике... И снова с госпиталями, реабилитационными центрами. Волнениями, волнениями, волнениями, тщетными надеждами на грядущее счастье.

И вот пришел дождливый октябрь. И они снова встретились.

Мужчина по фамилии Романов.

И пятилетний мальчик Феликс.

Романов приехал в детский центр при отделе семьи и детей Одинцовского управления соцзащиты. Он все еще с трудом передвигался на костылях. Перебитые осколками ноги слушались плохо. Но он ходил.

Феликса привела в игровую комнату няня. Мальчик был худенький, большеглазый, похожий на эльфа. И бесконечно одинокий.

Романова сопровождала молодая воспитательница из кризисного центра помощи детям. Пока они медленно шли по коридору, она говорила без умолку, взирая на Романова на костылях с неподдельным восхищением и затаенной жалостью.

— Мальчик постоянно спрашивал о вас все эти месяцы. Чуть ли не каждый день. Эти игрушки, что вы прислали... Он выбрал одну, он с ней не расстается. Даже когда спать ложится, кладет рядом. А вы... я все репортажи тогда смотрела. И передачи о вас. Какой же вы молодец! Герой! Как вы себя чувствуете?

— Лучше. — Романов ковылял, опираясь на костыли.

— Ой да, я понимаю, нужно время... Вы обязательно поправитесь! А по телевизору говорили о вас в том шоу, где ваша жена отвечала на вопросы... У вас же пополнение в семье. Кто родился — мальчик, девочка?

— Девочка. — Романов на миг остановился. Потом продолжил путь.

— Как же это хорошо! — восклицала восторженная молодая воспитательница. — А Феликс, знаете, он... он постоянно о вас спрашивал. Ах да, я уже это вам говорила.

— Что с его родными? С усыновлением?

— Пока никаких новостей. Мне кажется, к сожалению,

их и не будет. Как мы выяснили, у мальчика никого нет, кроме тетки. Это старшая сестра его покойной матери.

— А отец?

— Никаких сведений. Мы искали. Но та фамилия, что записана у него в свидетельстве о рождении... ну, вы сами понимаете, когда нет отца, то... Он рос без отца. А его тетя... Она тоже бывшая балерина, как и его мать. Но там более сложный случай. Она после кордебалета так и не смогла найти себя. Пенсия в тридцать восемь лет — сами понимаете, что это для балерин. Там такая ситуация — алкоголь... увы... она пьет с тех пор, как ушла из театра. И у нее четырнадцатилетняя дочка. Им жить вдвоем особо не на что. Куда уж еще ребенка брать на усыновление. В общем-то, она не горит желанием взять Феликса.

В игровой комнате Феликс сидел на маленьком стуле, подвинутом к дивану. Нянечка усадила его туда. Романов медленно подошел к мальчику.

— Привет, Феликс.

Мальчик смотрел на него. В руках он сжимал пластмассовую фигурку из «Набора супергероев», присланного ему вместе с другими игрушками в качестве подарка. Фигурка Бэтмена в черном костюме и маске.

— Привет.

Романов тяжело опустился на диван, отложил костыли. Мальчик смотрел на них, потом взглянул на него.

— Я тебя ждал.

— Я пришел, как только смог. Не хотелось на инвалидной коляске приезжать.

— Я знаю. — Пятилетний Феликс сказал это серьезно, совсем по-взрослому. — Я знал, что ты придешь.

Он, как маленькая пташка, вспорхнул со своего стула и обнял Романова за шею. Крепко-крепко. Воспитательница отвернулась к окну, смахивая слезы: она была чувствительная особа.

— Ноги болят? — снова совсем по-взрослому спросил Феликс, не размыкая своих маленьких рук.

— Немножко.

— Я знал, что ты не умрешь. Я хотел с тобой тогда ехать в «Скорой». Или с мамой. Но маму же убили.

Романов молчал, обнимал это маленькое хрупкое тельце, что прижималось к нему так доверчиво.

— Твоя мама была очень храброй, Феликс.

— Да. Смотри, это вот бэтсканер, а это бэтрадар. — Феликс отстранился, не выскальзывая из его рук, и продемонстрировал Романову фигурку игрушечного Бэтмена.

— Твой новый приятель?

— Он в маске. Но я знаю, кто это. — Феликс очень серьезно смотрел на Романова. — Я все помню, что было там. Я не забыл.

— Ты тоже очень храбрый. Мама бы тобой гордилась.

— Забери меня отсюда, — тихо сказал пятилетний Феликс.

Воспитательница повернулась к ним.

— Я хочу быть с тобой. — Мальчик прошептал это. Но она услышала. — Я хочу быть с тобой всегда. Мне никто не нужен, кроме тебя.

Глава 2

PUTTIN ON THE RITZ

Золотой Берег. Западная Африка
1932 г. Май

Барабаны в лесу. Барабаны во тьме. Там — там — бум — бум — бум! Доктор Сергей Мещерский услышал их сквозь сон и приказал себе проснуться. Но это было проблематично.

Бум-бум-бум! Тара-бум! Барабаны глухо рокотали в ночи в лесной чаще дождевого леса, что обступала их со всех сторон. Где-то в джунглях зрели гроздья гнева, и они все стали бы полными идиотами, если бы сорвали те гроздья, как тропический плод. Ну уж нет! А может, это только сон? Призрачная иллюзия?

— Серж Серже! Просыпаться! Вставать! Они приходить! Это не ашанти! Это люди леса!

Над ухом гудел густой бас. Сергей Мещерский открыл глаза и увидел Ахилла. Голый по пояс, без фельдшерского халата тот казался вырезанным из эбенового дерева великаном. Когда они только познакомились — доктор и фельдшер, Сергей Мещерский сразу же отринул обращение «мбвана» со стороны Ахилла: оно резало слух русского человека своей допотопной колониальностью. Он попросил Ахилла называть его на русский лад — по имени-отчеству. Так ведь зовут докторов в дражайшем Отечестве, откуда их с матерью выперли. Но имярек Сергей Сергеевич превратилось в устах старательного Ахилла в такое вот «Серж Серже». И Мещерский охотно откликался.

— Это не ашанти! — рокотал Ахилл. — Ашанти ссссс! Уходить, бежать! Они сами боятся. Это другие. Это люди леса!

Мещерский сел на походной кровати. Сколько же они выпили с Бенни вечером? Все так славно начиналось. В полевом госпитале никто не умирал вот уже пять дней, и они думали, что сволочная лихорадка и не менее сволочная дизентерия отступили. И Бенни решил наконец-то отметить свой тридцать третий день рождения, празднование которого все откладывал из-за запарки на лесозаготовках и эпидемии, разразившейся среди рабочих и администрации. Они пили вечером бренди. И Бенни горланил старинную английскую песенку «Вниз к мерт-

вецам». Хрипловатый баритон его был пиратским, отчаянным. Бездна обаяния и дерзости...

И вот, нате вам — ночной набег диких лесных племен на лесозаготовительный лагерь. Африка полна сюрпризов, господа.

Мещерский потрогал подбородок — побриться он явно не успеет. И переодеться в чистое тоже. Он встал и глянул в зеркало. Ну и физиономия. И это практикующий врач! Это русский интеллигент, затерянный в дебрях Западной Африки. Рядом с зеркальцем на походном столике стояла фотография матери. Княгиня Вера Николаевна Мещерская. Он всегда поражался тому, какая у него великолепная мать.

— Да, Сереженька, чудо что за женщина. И такой характер. Знаете, мы все здесь, на чужбине, немножко влюблены в нее. Такие женщины, как Вера Николаевна, — редкость. Ваш отец был, наверное, счастливейшим человеком на свете, — это говаривал, вздыхая, Владимир Николаевич Унковский, которым Мещерский сам восхищался. Но порой поминал всуе и бранными словами за то, что тот втравил его в эту «африканскую авантюру».

Эмигрантская русская пресса писала о княгине Вере Николаевне: «Эта отважная амазонка, бежавшая по снегу от кровавых большевиков и спасшая своего сына». Об отце своем Сергей Мещерский вспоминал редко. Тот был старше матери на двадцать лет, собирал картины, больше интересовался молодыми подчиненными интендантского ведомства, чем женой. Он скончался от пневмонии в пятнадцатом году, так и не попав на передовую, инспектируя склады с провиантом в Гатчине.

Несмотря на свою редкую красоту, мать Сергея была в сущности, очень одинокой в жизни. Потому что все ее мечты и привязанности проходили как-то вскользь, мимо ее судьбы. Ну, например, тот случай на балу в тысяча де-

вятьсот четвертом, за год до рождения Мещерского. Бал в русском посольстве в Стамбуле и мать, в свои восемнадцать танцующая весь вечер с офицером турецкого генерального штаба по имени Мустафа Кемаль. Вместе с семьей мать провела в Стамбуле восемь лет: дед Мещерского был послом. Она в совершенстве знала турецкий, говорила на четырех языках, что ей весьма пригодилось в жизни.

— Кемаль... Самый прекрасный из всех, кого я встречала. Синие глаза. Синие, как Эгейское море, — говорила мать, вспоминая, и всегда после этих слов про «синие глаза» выпивала бокал виски — безо льда, без содовой.

Они танцевали вдвоем весь тот вечер. Офицер турецкого генштаба приглашал ее. Они встречались еще дважды. Уже после бала. Тайно. А потом мать спешно была отослана семьей в Петербург. Ее сразу же выдали замуж за князя Мещерского. В общем-то, она не давала своего согласия, но... Это же было в четвертом году! Такая древность.

Мещерский знал из газет о дальнейшей судьбе офицера турецкого генштаба. Он получил прозвище Ататюрк после войны. Мустафа Кемаль Ататюрк стал мировой знаменитостью. Он преобразовывал Турцию, делая ее европейской державой. И он правда был феноменально красив. И он долго, очень долго не женился.

Или тот, другой, случай — уже в Месопотамии в двадцать первом. После их побега из большевистской России, за который их московская родня заплатила большевикам фамильным собранием картин эпохи Ренессанса, они очутились за границей — в Париже, без гроша. Вообще без ничего. И лишь решительный характер матери спас их от нищеты и позора: она устроилась переводчицей в Красный Крест. Она ведь знала турецкий язык. И по-английски, по-французски и по-немецки говорила свободно. И ее приняли с распростертыми объятиями и отправили

в миссию на Евфрат — в крупный полевой госпиталь Красного Креста. В Месопотамии после войны и ухода турок начиналась большая заваруха с дележкой границ. Мать взяла его с собой туда, на Евфрат. И он в свои шестнадцать очутился в таком месте, о котором даже и в приключенческих романах Буссенара не читал.

Однажды вечером в госпиталь на мотоцикле, как вихрь, примчался молодой английский полковник. Он был загорелый, как черт, с соломенными волосами. И тоже голубоглазый. Его фамилия была Лоуренс...

У него загноилась ножевая рана на руке, и он приехал в госпиталь из мест, про которые не распространялся. Мещерский видел его в смотровой палатке — он там разделся перед врачами, снял пыльную рубашку. На его теле живого места не было от шрамов. Мещерский потом, позже, через несколько лет читал в газетах про этого полковника, которого журналисты называли Лоуренсом Аравийским, что он за свою жизнь получил тридцать две раны.

За ужином вечером полковник Лоуренс сел рядом с его матерью, и они мило и оживленно болтали. И мать была какой-то иной в тот вечер. Ее глаза сияли. Полковник Лоуренс провел в госпитале еще два дня, ему делали уколы против столбняка. Он активно интересовался происходящим и постоянно обращался к матери. И за ужином они опять сидели рядом. И потом вечером совершили прогулку на берег Евфрата. Юный Мещерский уже злился. Он видел, что мать... сильно увлечена. Очень сильно. Ночью он проснулся в их палатке. Постель матери была пуста. Только москитная вуаль, легкая, как паутина...

Он встал и пошел разбираться. Как мужчина, как ее сын. С этим чертовым английским полковником! Но у палатки полковника Лоуренса услышал их голоса.

Откинутый полог. Этот Лоуренс... у него было такое отчаянное лицо... А мать стояла боком, отвернувшись.

— Мне очень жаль... Но я... Не заставляйте меня унижаться, объясняя вам... Потому что солгать вам я не могу, а сказать так, как есть...

— Не надо, — ответила мать тихо. — Наверное, все это было просто ошибкой.

— Нет, только не ошибкой, — ответил полковник Лоуренс.

Мещерский, уже став врачом, потом часто думал о той ночи в Месопотамии. О том, как у них там не сложилось, хотя они оба этого желали. Он же видел, как они глядели друг на друга. Он много читал про этого Лоуренса Аравийского — и сплетен в прессе тоже. Это воплощение мужества и отваги, этот герой пустынь... Ну конечно же, тридцать две раны на теле, зверские пытки в турецком плену. Попробуйте это, испытайте. Разве вы останетесь целым? Здоровым? Разве вы сохраните в себе способности, которыми мужчины гордятся, ради которых они готовы умереть?

Мать, княгиня Вера Николаевна, смотрела на него с фотографии строго и ясно, словно предупреждая — не валяй дурака, мой сын. Она снова была в миссии Красного Креста — под Лахором. А он, Сергей Мещерский, околачивался здесь, на Золотом Берегу. Лечил! И слышал эти ритуальные чертовы барабаны.

— Они здесь, Серж Серже! — тревожно вещал великан фельдшер Ахилл. — А мистер Бенни — он ходить один! Они убивать его! Они убивать нас всех!

«*А что вы хотели, батенька, это Африка...*» — это многозначительно ехидным тоном говаривал Владимир Унковский — «русский доктор на просторах лесов и саванн». И выкладывал из походного чемодана номер эмигрантской газеты трехмесячной давности с главами поэмы Саши Черного «Кому в эмиграции жить хорошо». Вздевал пенсне на нос и декламировал стихи Саши Черного:

«В просторах вольной Африки — врач первый человек. Как шаха на носилочках внесут в село гвинейское. Навстречу население гремит в жестянки ржавые, приветствует врача!»

— Сашка Гликберг... Сидели мы с ним в кафе на Монмартре, Сереженька. Я как раз в отпуск приехал. Так он меня все расспрашивал: ну, как там ты в Африке, душа моя? Они ж, поэты, как дети — все сразу в строку вставляют, всякое лыко. Вот, обессмертил теперь меня в своей поэме.

Как сыч в лесу таинственном один я там торчу!

За два-три года в Африке лишь раз от попугая я добился слова русского!

Попугай доктора Унковского улетел в дождевой лес в прошлом сезоне. А словцо он и правда русское знал. Крайне неприличное. Не при дамах сказанное. Но приводившее Бенни в дикий восторг.

Как шшшшшшшшшшшшшшаха на носилочках внесут...

И вынесут тоже. Вперед ногами.

— Где мистер Бенни, Ахилл? — спросил Мещерский, растерянно озирая палатку.

— У костра. Они его видеть. Он нарочно так — чтобы они его видеть! Он их не видеть, а они его — да!

Мещерский вышел в африканскую ночь.

Африка... дождевой лес... небо в алмазах. Где там Плеяды? Просека, которую прорубили лесозаготовители, вклинивалась в тело джунглей, словно что-то чужеродное. Эти великолепные деревья, что рабочие валили десятками так нещадно, истребляя всю эту красоту. Черное дерево, красное дерево. Мартышки визжали в кронах, оскорбляя их, призывая на их головы кары всех древних африканских лесных богов.

Все вырубят и разобьют плантации. Посадят какой-нибудь чертов кофе.

— А я не пью ваш кофе! — орал Бенни. — Я люблю чай с молоком!

Молока не было на лесозаготовках. И в конторе администрации пили виски и бренди. И чай. Английские традиции незыблемы даже в глухом лесу.

Лагерь лесозаготовителей терялся во тьме. Темнокожие рабочие прятались под навесами, большинство уже удрало, лишь заслышав боевые тамтамы. В больничной палатке оставалось двадцать шесть человек, подкошенных лихорадкой и дизентерией. Управляющего и его помощника вчера отправили на носилках в колониальную больницу. Из всей администрации остался лишь Бенни Фитцрой, начальник охраны администрации. У него вообще не было никаких подчиненных. Ну, в смысле, белых — «оброни». Он был один — их защитник и телохранитель.

Но Бенни Фитцрой, насколько Сергей Мещерский успел узнать его за те полтора года, которые они провели вместе в дебрях Западной Африки, стоил целого полка.

Совсем в юном возрасте новобранцем Бенни служил в Южно-Африканской бригаде и даже побывал в битве «у черта на колониальных куличках», как называл знаменитую битву при Махива семнадцатого года доктор Владимир Унковский. Армия не дисциплинировала его, а превратила в...

— Да это же сущий разбойник! — восклицал Унковский, не скрывая восхищения. — Я слышал в клубе сплетни, что он незаконнорожденный. И стыдится этого. Поэтому такая дикая бравада. Он сто раз жизнью готов рискнуть, лишь бы доказать всем этим колониальным снобам, что он лучше их. Ох уж эти англичане, Сереженька... Насмотрелся я на них здесь. Вижу, что он вас покорил, этот разбойник. Но вы-то русский князь, пусть и в изгнании, в эмиграции, потомок такого славного рода, аристократ, а он... Чертов сорвиголова!

— А вы... это... вы по каким болезням врач?

Это спросил Бенни Фитцрой при первом их знакомстве. Он был выше Мещерского на целую голову и шире в плечах. Его решительный подбородок украшала ямочка. А глаза — голубые, ледяные — смотрели на окружающий мир с холодным интересом. Яркий блондин, он не загорал даже на экваториальном солнце. Не носил дурацкого пробкового шлема, лишь изредка широкополую шляпу. И еще черный шелковый шейный платок. Хотя всегда его рубашка была расстегнута на груди, являя взору татуировку в память о битве при Махива.

— По интимным. Половым, — ответил Сергей Мещерский, встречая его взгляд и тоже надменно выпячивая свой подбородок. — Но я проходил ординатуру в инфекционных госпиталях в Бельгии, где учился.

«*Чудная у вас специальность для Африки, Сереженька! Венерические заболевания! Да вас на руках носить будут! — сулил, как змей-искуситель, доктор Владимир Унковский. — Там вам заплатят вдвое против того, что заработаете в какой-то заштатной бельгийской больнице. И там вы очень быстро превратитесь во врача общей практики. Я ведь тоже начинал как офтальмолог в Петербурге, а здесь, в Африке... чего только тут нет!*»

— О! — сказал Бенни Фитцрой, услышав ответ. — Я заинтригован. Детка, а вы и триппер умеете лечить?

— Со всем моим удовольствием. На что жалуетесь?

Бенни Фитцрой фыркнул тогда, как леопард. И расплылся в улыбке.

Волчанка, грыжа, зобики, слоновая болезнь...

Саша Черный с подачи доктора Унковского перечислил в своей поэме экзотические болезни так старательно и с поэтическим стебом. Эти «зобики» наполняли сердце Сергея Мещерского щемящей нежностью.

А с Бенни Фитцроем они перешли на «ты». В английском языке это очень легко.

И вот сейчас Мещерский под звуки боевых тамтамов явился на помощь другу.

— Бенни! — закричал он в темноту. — Не сходи с ума!

И в следующий миг он повернулся и увидел его у костра, освещенного пламенем. Бенни стоял на свету, назло всем тамтамам. В руке — револьвер «уэбли-скотт». Дуло опущено к земле.

Фить! Фить!

Из темной чащи вылетело с десяток стрел и вонзилось в землю у ног Бенни Фитцроя.

— А вот какого черта так делать? А? — заорал он в темноту.

Фить! Фить! Новая порция стрел. И снова у его ног. И чуть ближе. В лесной чаще скрывались меткие стрелки. А наконечники у этих стрел были отравлены ядом змей и древесных лягушек, наполнявших ночные дождевые джунгли руладами и гимнами во славу природы.

— Вы чего вообще добиваетесь? Я вот сейчас рассержусь! Вы этого хотите?

Фить! Фить! Стрелы вонзились в землю у его правого ботинка.

«*А вы думаете, эти люди будут вам рады?* — спрашивал риторически доктор Владимир Унковский, созерцая варварские вырубки лесозаготовок, когда приезжал к ним с новой партией лекарств и медикаментов. — *Их дом рушится. А мы незваные гости. Я вообще удивлен, как они сразу нас тут не прикончили, в этом лесу. Попомните мои слова, когда-нибудь Африка заявит о себе. И даст всем нам такого пинка... Народы, боги, племена, даже магия их джу-джу-колдунов... Все то, чего мы не понимаем, а лишь разрушаем здесь*».

— Подите к черту! — крикнул Бенни Фитцрой. — У меня тут больные в палатках. Ваши же соплеменники. Тут больница, тут вас лечат! Войны захотели, да? В лесу

скучно стало? Да я вас всех в землю зарою, а не пропущу сюда! Ну, давайте, выходите! Ну, кто самый храбрый? Вот он я — один перед вами. Ну?

Фить! Стрела просвистела у самого его уха.

— Бенни! Не зли их! — крикнул Мещерский.

Что ж такое-то, господа? И что дальше — налет дикой лесной орды с копьями наперевес? А потом их обглоданные черепа на кольях вокруг какого-нибудь лесного идола, вытесанного из пня? Мы так не договаривались с колониальной администрацией при приеме на работу.

Бенни Фитцрой вскинул свой «уэбли-скотт». Он меткий стрелок, но он один, а там их, может, сотня, может, две.

— Неси патефон, детка!

— Что? — Мещерский подумал, что друг бредит.

— Давай живей, поворачивайся. Неси свой патефон. И ту пластинку про Ритц!

«У Бенни — жар, — грустно подумал Мещерский. — Я предупреждал его — надо регулярно пить пилюли».

— Патефон! Ахилл, неси музыкальную машину! — приказал Бенни Фитцрой и...

Сунул свой грозный «уэбли-скотт» в кобуру на поясе.

Ахилл исчез в палатке, затем возник с патефоном в руках. Мещерский привез эту чудо-машину с собой в Африку. И пластинки тоже. Они с Бенни заводили их после вечернего обхода больных.

Ахилл водрузил патефон на пень. Он относился к «музыкальной машине» с благоговением. Мещерский сбегал в палатку за пластинкой.

Puttin on the Ritz...

Самый модный фокстрот позапрошлого сезона.

Ставлю на Ритц...

Мещерский бешено закрутил ручку, заводя патефон.

Звуки фокстрота...

— Детка, давай сюда ко мне! — Бенни Фитцрой махнул рукой и начал на глазах таинственных, грозных, злых и враждебных джунглей, затихших при первых звуках Puttin on the Ritz, плясать... чарльстон.

Мещерский подошел к нему на ватных ногах. И встал на виду в свете костра. Дьявольский фокстрот словно подстегивал и его... Черт! И вот уже ватные ноги сами собой задвигались, попадая в ритм.

Умирать, так с музыкой.

Бенни схватил его за руку. Они танцевали уже парочкой в обнимку, словно на какой-то вечеринке, разгоряченные шампанским.

Тамтамы боевые озадаченно затихли. И тут... африканцы ведь крайне музыкальны и крайне восприимчивы к ритму — боевые тамтамы леса зарокотали вновь, уже полностью в такт модного фокстрота.

— Чертов Бенни, что ты вытворяешь?

— Это лучше, чем стрельба, детка.

— Наш русский путешественник Миклухо-Маклай, экспедицию которого к папуасам спонсировал мой двоюродный дед, в таких случаях перед аборигенами разувался, снимал ботинки и ложился спать.

— Русские фамилии очень сложные, детка. Но парень был умница.

Фокстрот закончился. Пластинка на патефоне крутилась и шипела. Потом стало так тихо, что у Мещерского снова мурашки побежали по коже. А затем в кустах раздался шорох. Было темно. В кустах кто-то возился.

И вот все стихло. Лес молчал.

— Там что-то есть, — сказал Бенни, всматриваясь. — На опушке. Вон там.

— Не ходи туда. Они, возможно, нас заманивают. Это ловушка.

— Они ушли, детка. А там, в кустах, что-то есть. Они что-то оставили нам, эти лесные бродяги. — Бенни бесстрашно двинулся вперед по просеке.

Мещерский всплеснул руками: ну что делать с этим англичанином! Он опять ринулся в палатку, схватил керосиновый фонарь, потом взял со стола шприц — хоть какое-то оружие. И бегом бросился догонять Бенни, отошедшего уже прилично от костра.

В свете фонаря они увидели на земле возле кустов что-то светлое. Рубашка. На земле лежал человек, одетый по-европейски — как путешественник. Рубашка и штаны в каких-то странных темных пятнах. Они наклонились к нему — заросшее бородой лицо, темные волосы. Глаза незнакомца закрыты. Мещерский пощупал его пульс.

— Он жив. Только без сознания. Надо отнести его в палатку.

Бенни легко поднял этого дюжего костистого мужика на руки.

— Свети, детка! Не хватало еще мне с ним споткнуться. И там его рюкзак, забери его.

Мещерский высоко вздел фонарь, поднял с земли мешок с лямками — весьма увесистый. И они поспешили назад в лагерь.

В палатке незнакомца уложили на походную койку. Мещерский осмотрел его — крови нет, ран нет. Он пощупал его лоб.

— У него сильный жар, Бенни.

Бенни внимательно осматривал одежду незнакомца.

— Ботинки американские, экипирован неплохо. — Он взял его за руку, осматривая ногти. — Вы можете говорить? Вы в безопасности.

— Бенни, он тебя не слышит. Я сейчас сделаю ему укол. Надо сбить температуру. И камфару вколю. — Ме-

щерский включил спиртовку, поставил на нее металлический автоклав для стерилизации шприцов.

— У него кровь под ногтями. — Бенни разглядывал лицо незнакомца. — Из экспедиции, что ли? Тогда где остальные? Или он был один? Эти, из леса, они его не убили. Они его принесли сюда, знают, что здесь больница. А он болен. Но эта кровь у него на руках...

— Может, он с ними дрался?

— Тогда бы не принесли. Бросили бы в джунглях его труп. Или то, что осталось от трупа.

— Бенни, здесь, на Золотом Берегу, нет каннибалов.

Бенни Фитцрой усмехнулся и деловито начал потрошить мешок незнакомца. В мешке что-то было. И он это вытащил. Что-то круглое, замотанное в грязную ткань. Мещерский вдруг поймал себя на мысли, что не хочет видеть, что там внутри. Он сделал незнакомцу сразу два укола. Затем чуть подождал и вколол камфару, чтобы поддержать сердце. Он пока еще не поставил диагноз.

Бенни засунул руку в мешок и достал блокноты, стянутые бечевкой, и пачку перевязанных писем.

— Письма на имя Вильяма Сибрука из Сент-Луиса. Он американец. Сибрук... Вилли Сибрук. — Бенни обернулся. — Слушай, детка, а я ведь что-то слышал в Аккре, когда ездил в оружейный магазин. В клубе болтали... какой-то скандал, связанный с этим Вилли Сибруком.

— Какой скандал? — Мещерский смотрел на градусник.

— Что-то невероятное, связанное с этим типом и оккультизмом.

— Оккультизмом?

— Черт его знает, кто он такой. В администрации говорили, что его хотели выдворить, даже писали министру по делам колоний. Он своим поведением якобы переходит все границы. Ему было предписано убраться из Аккры,

и он исчез. Но не уехал. Он просто исчез. И вот теперь лесное племя, явившееся из тьмы, подкинуло его нам.

— Судя по его виду, он не голодал, состояние тела удовлетворительное. На бродягу не похож. Скорее на исследователя. А как это понимать — оккультист?

— Он дьяволопоклонник.

— Бенни, фи!

— Что фи, детка? Некоторые вещи надо называть своими именами, даже если и не веришь во всю эту чушь. Он где-то ползал несколько месяцев по здешним лесам. И племя не расправилось с ним, а позаботилось о нем. С чего бы это?

— Всем людям свойственно милосердие. — Мещерский решился на еще один укол этому Вилли Сибруку.

Бенни отложил перевязанную пачку писем и начал медленно разматывать тряпку, в которую был укутан неизвестный круглый предмет.

Мещерский протер руку Сибрука тампоном со спиртом и вколол иглу. И в этот миг Сибрук открыл глаза.

Он впился в Мещерского взглядом. Его глаза... такие блестящие... в них плескалось безумие...

— Плоть, — прохрипел он. — Плоть... в ней такая сила...

— О чем вы говорите? — Мещерский наклонился к нему.

— Сила... стоит только раз попробовать... могучая, всесокрушающая... это магия... это тьма...

Сибрук неожиданно сжал запястье Мещерского. По лицу его прошла судорога. Он оторвал свое объятое жаром тело от койки, приподнялся. Было нечто странное в том, как он двигался: его словно самого дергала вперед какая-то сила, как марионетку на веревках. Мгновение он глядел на них безумным невыразимым взглядом — нет, не на них, а куда-то мимо, словно видел что-то, чего они не замечали. И рухнул снова на подушку.

— Опять потерял сознание. — Мещерский достал стетоскоп, приложил к его груди. — Сильное сердцебиение, частый ритм.

Бенни откинул грязную тряпку и тихонько присвистнул.

Мещерский обернулся. И онемел. В первый миг ему показалось, что он видит... отрубленную человеческую голову. В следующее мгновение он понял, что это голова не человека, но деревянной статуи. Идола. Вырезанная из куска черного дерева очень натуралистично. Выпученные глаза, окрашенные белой краской со зрачками. Большой рот, застывший в усмешке.

— Лесной божок. — Мещерский хмыкнул. Он не хотел показывать Бенни, что испугался в первые минуты.

— Ты только взгляни на это, — очень тихо произнес Бенни.

И Мещерский, приглядевшись, с содроганием понял, что заставило Бенни Фитцроя нервничать.

Глава 3
ТУМАН

Солнечногорск. Московская область
Наши дни. Октябрь

В кабине локомотива тихо играло радио. Машинист Коркин плохо разбирался — какое-то ретро, музыка чуть ли не из тридцатых. Но бодренькая, танцевальная, хулиганистая даже, как раз чтобы поддерживать тонус в сонные утренние часы перед осенним рассветом. Его помощник покачивал головой в такт музыке и даже притопывал ногой — 5.01 утра, еще и не то сделаешь, чтобы не задремать после ночи в пути.

Тяжелый грузовой поезд шел из Нижнего Новгорода в Санкт-Петербург транзитом через Москву. В Твери, до которой они еще не добрались, к составу, состоявшему из контейнеров-вагонов, должны были прицепить еще и рефрижераторы. Так что и во время остановки в Твери отдохнуть не удастся.

— Он ве ритц... он ве ритц. — Молодой помощник машиниста крутил головой, подпевая ретроприпеву.

— Что ты там бормочешь? — спросил машинист Коркин, закуривая сигарету.

— Фокстрот — нехилый такой музончик. — Помощник глянул на электронное табло. — Михал Михалыч, подъезжаем к Солнечногорску.

Машинист Коркин смотрел в лобовое окно локомотива. Туман. Это к теплу. Полотно железнодорожных путей стелилось перед локомотивом лентой, освещенное фонарями. Но за боковыми окнами кабины царствовала тьма.

Машинист Коркин не любил все эти пригородные подмосковные дачные станции. Суета сует. И вечные дачники, ползущие через пути в неположенных местах, несмотря ни на какие ограждения. Но сейчас всего пять утра. Впереди, как объявил диспетчер, только что прошла первая электричка до Клина. Встречная через семь минут — из Конакова. Товарные поезда пропускали по утрам сплошным потоком в «окно», открывавшееся в такие вот заповедные часы, когда прошли уже все ночные скорые поезда и «Сапсаны» пролетели, а пригородные электрички еще особо не навострили лыжи.

Впереди туман окрасился в грязно-желтый цвет. Свечение было тусклым, туман пропитывался электрическим светом. Станция...

Машинист Коркин эту самую станцию Солнечногорска встретил с полным неодобрением. Она не из тех, которые тяжелый товарняк пролетал мимо на большой

скорости, заставляя трястись бетонные платформы. Станция в Солнечногорске старинная, с длинной историей и застроена бог знает чем.

Словно в ворота въезжаешь. Потому что по обеим сторонам путей на этой станции чуть ли не в середине девятнадцатого века какие-то умники-инженеры воздвигли две водонапорные башни. И они стоят до сих пор. И служат пакгаузами. Наверху их соединяет пешеходный железнодорожный мост через пути. И это место похоже на бутылочное горлышко — такое оно узкое, только рельсы, шпалы и эти «ворота».

Машинист Коркин сбросил скорость. Однако за ними, как уведомил его диспетчер, шел еще один товарный поезд. Поэтому в «бутылочное горлышко» между водонапорными башнями они въезжали все же не слишком медленно.

Машинист Коркин смотрел на приближающиеся водонапорные башни и мост. Окутанные теплым осенним туманом в свете железнодорожных фонарей, они представляли собой фантастическое зрелище.

Железная дорога порой поражает воображение.

Мост выплывал из тумана по мере того, как расстояние между ним и локомотивом сокращалось. Через три минуты мост окажется у них над головой, и они прогрохочут колесами между башнями, словно в горном ущелье.

В этот миг машинист Коркин взглянул на мост, отвлекаясь от панели приборов. Чугунная ограда моста частично была разобрана, местами вообще отсутствовала — на мосту с лета шел перманентный ремонт. Огромную зияющую дыру закрывала хлипкого вида сетчатая загородка, замотанная предупредительными лентами. Машинист Коркин видел все это очень ясно. Свет мощного фонаря над мостом освещал этот участок, вырывая из тумана небольшое пятно.

А все прочее виделось каким-то размытым, потерявшим четкие контуры.

Мост, насколько мог заметить в этот краткий миг машинист Коркин, был пуст в ранний утренний час. До него оставалось примерно метров тридцать. Их состав стучал колесами так ритмично. И музыка... эта ретромузыка все играла по радио...

И вдруг...

Из тумана на мосту возникла фигура.

Все, что произошло в следующие мгновения, машинист Коркин запомнил на всю жизнь.

Он ничего не смог сделать, даже рванув тормоз.

Тяжелый состав заскрежетал, загудел, но могучая центробежная сила все равно толкала его вперед.

Лязг металла...

Грохот...

За спиной Коркина пронзительно закричал помощник машиниста.

Локомотив, отчаянно пытаясь затормозить, все равно втащил состав в темное ущелье между водонапорными башнями.

И только потом, высекая колесами искры из рельс, остановился.

Глава 4
СТАНЦИЯ

Солнечногорск
Наши дни

Катя, Екатерина Петровская — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области — в это утро дала себе сто миллионов обещаний не опаздывать на рабо-

ту. Ее ждала куча дел — брифинг руководства, а до него и после него ей предстояло написать информационные сообщения для новостных каналов, да и статьи о прошлых делах, былых расследованиях ждали с нетерпением своего часа. Так что она просто зашивалась и поклялась не опаздывать.

Одна нога здесь, другая там — Катя даже не успела дома позавтракать, вылетела пулей из квартиры, решив заскочить по пути в маленькое кафе, купить кофе с собой. Заскочила, заказала любимый с некоторых пор флэт уайт. И тут ее настиг звонок мобильного. Она подумала, что это ее начальник — шеф пресс-службы, решила, что он уже на месте и сейчас устроит ей разнос.

Однако она услышала совсем другой голос.

— Екатерина, здравствуйте, это Миронов.

— Володя?

Старшего лейтенанта Владимира Миронова Катя не слышала с тех самых пор, когда он еще служил в Красногорске. Они в те времена работали по памятному для Кати делу об отравлении животных в приютах, которое самым причудливым образом переплелось с делом Музея имени Пушкина и египетской коллекции. Позже они виделись только на совещаниях в Главке. Затем Володя перевелся в Солнечногорский УВД: он женился, и они с супругой, точнее, их родители купили им квартиру в Солнечногорске, где цены не в пример ниже красногорских. Миронов был у начальства на хорошем счету и, несмотря на молодость, получил в Солнечногорске должность замначальника уголовного розыска, о чем мечтал, потому что в Красногорске он работал сначала участковым, а затем в кадрах.

— Помните меня еще?

— Конечно! Как ваши дела?

— Ничего. Или как сажа бела. Екатерина, я тут вспо-

минал то наше прошлое дело[1]. Вы ведь любите все такое небанальное, странное в криминале. Необычное. Загадочное.

— А что случилось? — Катя сразу насторожилась.

— У нас ЧП на станции, на железной дороге. Самоубийство, как транспортная полиция считает. Все произошло сегодня утром, в пять часов. Я сейчас на станции — тут до сих пор... ну, сами понимаете. Эта самоубийца... в общем, я ее знаю, и у меня в голове не укладывается. И есть некоторые обстоятельства. Очень странные. Меня тут особо никто не слушает: у них же своя юрисдикция, у транспортников. А нашим в УВД вмешиваться тоже неохота. Я подумал о вас, вы же криминальный журналист. Я не выпускал вас из виду все это время, читал ваши репортажи и мечтал еще раз с вами поработать. Не сможете приехать прямо сейчас в Солнечногорск?

Катя колебалась лишь секунду. И ответила согласием.

— На станции затор, электрички отменили из-за ЧП, и я думаю, на Ленинградском шоссе из-за этого пробки. Езжайте по новой дороге. По скоростной. Как подъедете к станции, позвоните, я вас встречу. Я буду здесь.

Катя схватила кофе и помчалась на стоянку за своей машиной. Крошка «Мерседес»-смарт. Коробочка на колесиках. Уже выруливая со стоянки, она позвонила своему начальнику — шефу пресс-центра. Так и так... Помните то дело Пушкинского музея? Этот Миронов умница, смышленый, он зря ничего такого не скажет. Значит, там и правда что-то необычное. Возможно, интересное дело — сенсация!

— А брифинг? — простонал шеф пресс-службы.

---

[1] Владимир Миронов вспоминает расследование, описанное в романе Т. Степановой «Девять воплощений кошки». (*Прим. ред.*)

— Ну, вы уж сами как-нибудь. У вас яркий талант к публичным выступлениям.

— Нельзя же бросать всю важную работу, если вдруг забрезжила какая-то... чушь! — Шеф пререкался, но неуверенно. — Этот опер годами о себе не давал знать, сама говоришь, а тут...

— Значит, тем более что-то интересное. — Катя ехала уже по Садовому кольцу. — Он не стал бы зря звонить. Вы же сами ворчали на летучке вчера: материалы скучные, дела банальные, бытовуха. Мы погрязли в рутине. Нужно что-то свежее, неординарное.

— Не лови меня на словах. Ладно, я разрешаю. Ты уже, наверное, и так на пути туда, насколько я тебя знаю. Но если там какая-то... чушь, — он повысил начальственный голос, — будешь работать сутками напролет без отдыха.

— А, ладно, — легкомысленно согласилась Катя. — Спасибо. Вы лучший в мире шеф. Мудрый и дальновидный.

Лесть — лучшее оружие в мире мужчин, где женщина — молодая и себе на уме — пытается пробить себе дорогу. А уж в мире полиции и прочих силовых структур лесть — это ключ от всех дверей.

Платная дорога от Москвы до Клина всегда наполняла Катю радостью. Не в смысле того, что надо платить за езду, а в смысле комфорта, скорости и полного отсутствия пробок. На подъезде к станции Подсолнечная она, однако, попала в затор, уже съехав с платного автобана. Видно, ЧП на железной дороге нарушило привычный ритм городка. Катя позвонила Владимиру Миронову. Через четверть часа он встретил ее у платформы, откуда отправлялись электрички на Москву. Катя приткнула машину на стоянку у станции. Ее охватил мандраж: самоубийство на железной дороге — это всегда страшно и кроваво.

— Тело уже увезли в морг, — с ходу успокоил ее Миронов. — Товарный поезд отогнали в тупик. Все достали,

ну, то, что осталось. Но там же обрабатывать надо колеса и... Зрелище было то еще, я вам скажу.

Катя разглядывала его — возмужал старлей после женитьбы. Она помнила его хрупким, решительным, рыжеволосым и с веснушками. Он носил форму участкового и лез на рожон в таком деле, которое вызывало у коллег лишь печальные усмешки. И оказался прав. А сейчас он был в штатском, в легкой пуховой куртке. Рыжие волосы его потускнели, появились залысины. Веснушки почти пропали. На носу сидели круглые модные очки. Ну, совсем не типаж удалого замначальника уголовного розыска. Скорее аккуратный дотошный банковский клерк.

— Что случилось? — Она включила украдкой свой диктофон в сумке.

— Вроде как самоубийство. В сторону Твери шел товарный поезд. Подъезжал к станции. Вон там наш мост, он соединяет одну половину города с другой. Там сейчас ремонт ограды.

Катя увидела непрезентабельного вида старый железнодорожный мост, по которому сама ходила много раз, приезжая в Солнечногорск. Он покоился на серых, страхолюдного вида тумбах — бывших водонапорных башнях. На мосту до сих пор суетились полицейские. И там была одна красноречивая деталь: часть ограды отсутствовала, и дыра зловеще и очень опасно зияла.

— Там что же, ограда обрушилась?

— Обрушилась загородка из рабицы. Ремонт ограды — я же говорю. Транспортники сказали мне, что женщина... самоубийца прыгнула с моста на пути прямо под поезд-товарняк.

Катя измерила глазами расстояние — да, мост высокий. Тем, кто был в кабине локомотива, не позавидуешь. Так невинные люди в единый миг становятся убийцами.

— Мрачное место. Но самоубийцы как раз такие и выбирают. Мосты, высокие здания, башни. Что вас смущает?

— Показания машиниста и его помощника. И потом, я знаю эту женщину. Я общался с ней лично два месяца назад.

— А кто она?

— Транспортная полиция так быстро установила ее личность, потому что ее сумка отлетела в сторону, не попала под поезд. Они еще тело не достали, а уже знали ее фамилию и имя. И у нас это прошло по дежурной сводке. А я как раз на сутках сегодня. Ее фамилия Полозова. Зовут Алла. Ей пятьдесят четыре года.

— Семья, муж? Возможно, причина там, семейные проблемы.

— Она не замужем. И никогда не была. И детей нет. Она два года назад похоронила мать — сама мне говорила. И жила после смерти матери в свое удовольствие. Отдыхала от забот.

— А по какому поводу вы ее знаете?

— Она, эта Полозова, — менеджер-хостес в частном гостевом доме на Бутырских выселках. Там у пруда красивое место. Вокруг него построены гостевые дома — ну, отдых, барбекю, все такое. Отдыхающие приезжают, снимают дом. Целые компании. Иногда шумно, особенно летом. Два месяца назад там были разборки в одной компании — я выезжал. Ничего особенно. Просто мужики перепили и начали выяснять отношения. Полозова давала показания. Я с ней разговаривал. Там даже не стали дело возбуждать, все закончилось примирением сторон. Но я ее помню, эту женщину. Деловитая, словоохотливая. Такая бойкая дама. Очень приземленная. Простая женщина, чуть с хитрецой. Может, она и не совсем была довольна жизнью — жаловалась мне, что зарплата не очень. А ей хотелось съездить на море. Но

чтобы руки на себя накладывать? Прыгать с моста... И потом, я когда начал вникать, я понял...

Миронов внезапно умолк. Он смотрел на мост между водонапорными башнями. Все это сооружение сейчас, когда сама смерть явила себя там, на фоне серого свинцового октябрьского неба, действительно имело какой-то угрожающий вид.

— В общем-то, она и не прыгала оттуда.

Катя ждала объяснений, но Миронов хранил молчание.

— Володя, как это понимать? Она же бросилась под поезд.

— Она не бросалась... то есть... На первый взгляд, это вроде так, но, по словам машиниста... Хотите услышать, что он говорит обо все этом?

— Да, конечно.

Миронов повернулся и пошел, указывая направление в глубину станции. Они перешли через пути. Катя оглянулась — платформа, на ней стеклянный куб нового дизайна, в нем кассы, туалеты и кафе. А в остальном вид прежний — ржавые гаражи вокруг и какие-то склады.

— Вы приехали сюда к транспортникам, потому что знали эту Полозову? — уточнила она.

— Да. Все же она проходила у нас по делу, пусть и материал был отказной. И потом меня сразу поразила эта весть о самоубийстве. Я же говорю — в голове не укладывается. Не тот она человек.

Они снова перешли через пути и направились в отстойник для вагонов, куда загнали злополучный товарняк. Катя увидела его — длинный грузовой поезд. Самый обычный с виду. Локомотив зеленого цвета с красными полосами. Возле его колес, согнувшись, копошились эксперты в специальных защитных костюмах. Катя ощутила прилив слабости. Ну же, ну... тела там уже нет, его

извлекли и увезли. Но там немало еще грязной работы экспертам.

— Машинист и его помощник в шоке. Диспетчер их, естественно, отстранил. Поезд убрали из расписания. Они ждут новую бригаду, чтобы вести его дальше. Машинист сказал, он ничего не смог сделать, чтобы спасти ее. Локомотив протащил тело несколько метров уже между башнями.

Они подошли к кабине локомотива. В окно на них глянуло бледное лицо.

— Можно вас снова на пару слов обоих? — окликнул машинистов Миронов.

Они спустились. Мужчина лет сорока и его молодой помощник. Оба — краше в гроб кладут.

— Меня только что допросили, — сказал машинист Коркин. — Я им рассказал, что видел, но они думают, я спятил.

— Вы не спятили, — заверил его Миронов. — Не могли бы еще раз повторить для моей коллеги из нашего ГУВД области?

— Мы к станции подъехали. И Михал Михалыч ее увидел там, на мосту. Эту тетку. Я ее не видел. Был туман. То есть там не было тумана, в этом месте у ограды, — там фонарь ярко светил, — быстро затараторил помощник. — Но я ее не видел, я разговаривал с диспетчером. За нами шел еще один грузовик, и диспетчер мне это сообщил. Мы не могли сильно снижать скоростной режим. Но мы все же сбросили скорость. Там же такое место под мостом. Надо быть осторожным.

— Она появилась из тумана. Фонарь светил ярко — да, я это видел, — сказал машинист Коркин. — Я как раз смотрел на мост в этот миг. Она шла с той стороны, — он кивнул влево, — и там, рядом с ней, никого не было.

— Пять утра, — согласился Миронов, — пассажиров почти нет. Станция пуста.

— Не было с ней рядом вообще никого, — упрямо повторил машинист. — Я поклясться в этом готов. И вдруг она остановилась на секунду прямо под фонарем. А мы уже подъезжали.

— Она увидела поезд и прыгнула вниз, — подсказала Катя.

— Она не прыгала! — горячо и страстно возразил машинист.

— Но она же оказалась под колесами поезда.

— Она не сама прыгнула. Ее словно что-то толкнуло.

— Толкнуло? — недоуменно спросила Катя.

— Я это видел своими глазами. Ее словно толкнула какая-то сила на эту загородку из сетки. Тело так дернулось вперед. Она пыталась остановиться, понимаете? Она вытянула руки, но сила толчка была такой сильной, что она не смогла. Она упала на эту загородку, а это же фикция. И они полетели вниз вместе.

— Вы говорите, что ее кто-то толкнул...

— Не кто-то. Не было там никого рядом с ней. Я же не слепой. Она была одна там. И... ее что-то толкнуло. Какая-то невидимая сила.

Они все молчали.

— Эти ваши транспортники, наверное, считают, что у меня мозги поехали или что я притворяюсь, выгораживаю себя, — тихо сказал машинист Коркин. — Но я и на суде под присягой скажу. На мосту, кроме нее, никого не было. И она не прыгала под мой поезд. Ее что-то толкнуло. Нечто. Чего я не видел.

— Вам надо отдохнуть, успокоиться, — сказала Катя. — Возможно, позже, когда вы придете в себя, появится иная интерпретация событий.

— Нет. Я вам сказал, что видел. А ваше дело верить мне или нет.

— Да уж, неожиданно как-то и непонятно, — заметила Катя, когда они оставили несчастную поездную бригаду у локомотива и вернулись назад через пути к платформе на Москву. — Ну, он все же пережил сильнейший стресс.

— Да, конечно. И я бы ему не поверил, — Миронов кивнул, — если бы не знал эту Полозову.

— А какая невидимая сила может толкнуть человека под поезд? И при таких обстоятельствах, которые описывает этот машинист?

Миронов пожал плечами.

— Гипноз.

— Да ну, бросьте. По-вашему, она производила впечатление человека, подверженного гипнотическому внушению?

— Нет. Простая, болтливая, любопытная, толстая, очень провинциальная. Вся такая — ну, кровь с молоком. И...

— Что?

— Живчик. В ней жизнь била ключом, в этой тетке. Она показания мне про драку давала взахлеб. Такая сплетница, такая сорока...

— Мало ли что в жизни у нее могло случиться за эти два месяца. Порой внешность и манеры обманчивы. Может, какой-то диагноз врачебный плохой. А что она делала в такую рань на станции? Пять утра.

— Она живет у Ленинградского шоссе, у нее квартира двухкомнатная. А там, откуда она шла, как раз ее работа. Этот самый гостевой дом на Бутырских выселках. Давайте подъедем с вами туда, побеседуем с персоналом.

Они дошли до стоянки и сели в Катину машину. Владимир Миронов указывал путь.

— Как ваша жизнь тут, на новом месте, Володя? — по пути поинтересовалась Катя. — Как дома?

— Да так.

— Не скучаете по Красногорску?

— Скучаю.

— Ваша жена из этих мест?

— Да. Она к матери уехала от меня, — пожаловался вдруг Миронов.

— Поссорились, что ли?

— Она говорит, что со мной невозможно жить.

— Ой, Володя... Вы на работе все время пропадаете, надо жене время уделять, особенно в первое время после свадьбы.

— Это из-за видеоигр.

— Игр?

— Она считает, что я погряз в них. Что виртуальная жизнь для меня значит больше, чем реальная.

Катя вспомнила былое: Миронов всегда был страстным любителем гаджетов, интернета. А теперь видеоигры. Но не мальчишка же он! Муж, глава семьи!

— Надо помириться с женой, — попросила она его. — Из-за таких пустяков расставаться. Видеоигры — да к черту их!

Миронов не ответил. Вздохнул. Они миновали плотную новую застройку многоэтажек. Свернули на тихую улочку частного сектора. Дальше — рощица, а в ней, словно круглое зеркало, живописный пруд. И на его берегах новые добротные частные дома, окруженные общим сплошным забором. Гостевые — для аренды.

Дом под крышей из металлочерепицы, на который уверенно указал Миронов, стоял ближе к дороге.

— Эта Полозова, она что же, пешком ходила до места работы? — спросила Катя. — Тут и транспорта никакого. Нет автобусных остановок. Место словно не в городе, будто это дача.

— Так и задумывали владельцы, когда покупали участки и строили гостевые дома. Полный релакс. Тихая гавань — выселки. Но до станции здесь недалеко. Это мы крутили по дороге и по микрорайону. А если напрямую, то через частный сектор и потом дворами. И сразу станция Подсолнечная. Минут пятнадцать пешком, не больше. Автобуса дольше прождешь порой.

Калитка в заборе и дверь гостевого дома были открыты. А на крыльце стояла полная женщина в стеганой куртке и брюках, всматривалась в незваных гостей. Владимир Миронов представился ей официально.

— Так только что следователь приезжал и полиция с железной дороги с ним, я все им сказала. То есть я даже не знаю, что сказать — я все мысли растеряла сразу, все слова. Они утверждают — Алла под поезд бросилась с моста. Это какая-то ошибка. Это несчастный случай. Там же этот чертов ремонт! Я сама через мост хожу. Там ограждение. Как она могла прыгнуть? Почему?

— А вы кто сами? — спросил ее Миронов.

— Я ее сменщица. Григорьева Анна Михайловна. Я хостес, присматриваю здесь за коттеджами.

— Почему она ушла так рано? — спросила Катя. — Пять часов утра. Обычно смена в отелях и гостевых домах дольше.

— Она отпросилась накануне. Она в Москву торопилась успеть в клинику. Рано утром.

— В клинику?

— Анализы. Они же с раннего утра. А ей ехать сколько на электричке. И еще она к врачу там записалась.

Катя глянула на Миронова — все же нелады со здоровьем были у этой несчастной.

— А что за клиника, вы не знаете?

— По нервным болезням какая-то. Платная. Здешние-то врачи ей уже не помогали.

— Что-то серьезное? Плохой диагноз?

— Лицевой нерв, — ответила менеджер. — Как она мучилась с ним, бедная. Чуть вспотеет, раз — и продуло. И нате вам. Это ж лицо. Все остальное-то укутать можно, а лицо как укутаешь? Дни теплые сейчас еще стоят. Но он ее даже летом донимал. Это ж больно очень — дергает, как зуб, когда нарывает. Вот она и нашла клинику какую-то хорошую в Москве. Она туда ехала. Хотела сесть на раннюю электричку до Москвы, чтобы уже к семи добраться, анализы сдать. Клиника-то эта тоже черт знает где — в Теплом Стане. Она мне так сказала.

— У вас сейчас много постояльцев? — спросил Миронов, кивая на гостевой дом.

— Полна коробочка. Вчера приехали — сегодня же пятница, потом выходные. Семья с детьми и какие-то их друзья. Весь дом сняли. И два других дома тоже заняты: в одном какой-то корпоратив, целая компания, а в другом спортсмены.

— Так что же она, все тут бросила и отправилась к врачу? Или вы ее подменили? — уточнил Миронов.

— Я пришла к восьми. Что в этом такого — это уже утро, не ночь. И потом тут Динара оставалась на хозяйстве.

— Кто это?

— Динара наша, Исмаилова. Она в домах убирается.

— Она была здесь, когда Алла Полозова ушла?

— Да.

— Позовите ее, пожалуйста.

— Динара! — крикнула громко менеджер.

На крыльце появилась женщина — приземистая, темноволосая, лет тридцати пяти, азиатской внешности.

— Анна Михайловна, я тороплюсь на электричку. — Динара Исмаилова сжимала в руках большую сумку и не глядела на полицейских.

— Динара подрабатывает, — объяснила менеджер. — Она такая старательная.

— Сейчас сбой в железнодорожном расписании, — сообщил Миронов Исмаиловой. — Догадываетесь, наверное, почему. Электрички отменяют. Так что у вас есть пара минут побеседовать с нами.

— Я ничего не знаю.

— Но вы были с ней здесь в доме весь этот день и ночью тоже, — тихо заметила Катя. — Расскажите нам об этом дне, пожалуйста.

— Нечего рассказывать. Все было как обычно.

— Она от боли мучилась, да?

— От боли? От какой боли?

— Лицо, — подсказала ей менеджер.

— А, это... Нет. Она таблеток напилась. И в доме тепло. С чего болеть-то. А к врачу она еще раньше записалась. Потому и ушла так рано. Я за ней дверь закрыла и села внизу на ресепшене.

— Дом какой у вас большой, — заметила Катя. — Работы, наверное, много всегда.

— Это же мини-отель. Постояльцы. Гости. Работы полно. Грязи столько порой оставят в комнатах...

— Она с постояльцами общалась?

— Конечно. Они наверху в основном. А днем у пруда шашлыки жарили на мангале. То и дело к ней обращались — то это дай, то другое. Они же заказы загодя делают, ну, чтобы все было готово: растопка, угли, мангал. И из других домов тоже приходили. Один за солью прибежал. Не привезли с собой.

— Это кто же?

— С корпоратива. — Динара Исмаилова кивнула в сторону дальних домов у пруда.

— В прошлый раз, два месяца назад, у вас тут разборка была с дракой, — сказал Миронов. — Но я вас что-то

не помню, Динара. Вы со мной не беседовали тогда по этому поводу.

— Алла мне говорила, что ее в полицию вызывали. Я тогда домой ездила. В отпуск.

— А где ваш дом? — спросила Катя.

— Алатау. Горы.

— Казахстан?

— Киргизия.

— Ваши гости поздно, наверное, угомонились? — спросил Миронов.

— В третьем часу уже спать ушли. Пьяные все. Детей-то раньше уложили. А сами здесь внизу сидели, пили у камина на той гостевой половине.

— А вы на ресепшене, да? А потом тоже спать легли?

— Да куда уж спать. Алла уходить рано собиралась, я на ее месте дежурить. Мы чаю попили. После она во двор выходила, потом вернулась.

— А зачем во двор?

— Дверь хлопала в сарае. — Динара указала в сторону сарая, стоявшего в дальнем конце участка. — У нас там весь инвентарь. Газонокосилка, мангалы, мебель садовая. Ветер, хотя не особо было ветрено ночью. Дверь хлопнула. Она пошла туда. Там было темно. Я вышла за ней и подсветку включила на участке. Она дверь закрыла на засов.

— В сараи наши лазают порой, — сухо сообщила менеджер. — Воруют, что плохо лежит. Может, и в этот раз. Я утром-то до приезда полиции туда сама пошла, когда Динара мне сказала. Дверь-то они заперли, а окно настежь. Сарай окнами на пруд, и там рябины растут за забором. Так что лазают туда. Но ничего не украли. Если и был кто, то его спугнули. А может, и окно тоже ветер распахнул. Вор-то — он тихий, не будет нарочно дверью хлопать, как из пушки, внимание привлекать. Ох... да какое это имеет сейчас значение... я просто бол-

таю тут языком, а сама... Как же это Алка, дорогая... Да не может такого быть! Вы проверьте все хорошенько! Там этот мост... ограда — это она обрушилась! Не могла Алка руки на себя наложить так вдруг.

— Ну, все, я пошла, — сказала сухо Динара и засеменила к калитке, таща свою сумку.

— Они-то к самоубийцам вообще плохо относятся, — шепотом известила менеджер, когда уборщица пропала из вида. — Даже разговаривать об этом не хотят. Табу это у них.

— Видите, все же у Полозовой имелись проблемы со здоровьем, — заметила Катя, когда они вернулись в машину. — Лицевой нерв — это, конечно, больно, неприятно, но не смертельно. Но могло и еще быть что-то. Она, возможно, просто об этом не говорила на работе. Она ведь нашла клинику платную. И анализы... Хотя это обычное дело — анализы при назначении любого лечения. И все же... Кроме нерва, могло быть что-то еще.

— Что, например? — спросил Миронов, глядя на гостевой дом.

— Судя по тому, как описал нам все происходящее машинист, это могла быть сильная судорога. Клоническая судорога... спазм... Или же эпилептический припадок. Все это вполне могло вызвать такие последствия, что она непроизвольно упала на загородку, и та не выдержала под ее весом. И они рухнули вниз.

— Она не упала. Машинист про другое говорил.

— Судорога могла ее толкнуть, эпилептический припадок тоже. Конечно, хорошо бы установить эту клинику, куда она направлялась. И точный диагноз.

— Это врачебная тайна. Мне никто не скажет, когда вердикт — самоубийство. — Миронов раздумывал секунду. — Давайте теперь в морг заедем. Что там патологоанатом нам сообщит?

Глава 5
СТРАННОСТИ

— А я вам пока ничего конкретного сказать не могу, — заявила им строгая женщина-патологоанатом в морге при бюро судмедэкспертиз Солнечногорской городской больницы. — Тело привезли всего пару часов назад. И это железнодорожная авария. Что вы хотите? Там работы на несколько дней, учитывая, в каком состоянии труп. Я пошлю отчет о вскрытии в транспортный отдел и прокуратуру. Так уж и быть, копию — вам. А почему вас так интересует это самоубийство?

— Потерпевшая проходила у меня по проверочному материалу как свидетельница, — уклончиво ответил Владимир Миронов. — И она не производила впечатление человека, склонного к суициду.

— Нельзя составить себе мнение о человеке за один допрос, — возразила патологоанатом. — Дождитесь результатов экспертизы.

— Обратите внимание, если возможно, на наличие признаков каких-либо хронических заболеваний у нее.

— Да, конечно. Это стандартная процедура.

Катя поняла, что деловая и энергичная патологоанатом недвусмысленно указывает им на дверь. Но старлей Миронов делал вид, что ничего подобного не замечает. Какое-то время он выдерживал паузу, а потом вдруг спросил:

— А что с тем, другим телом?

Катя снова насторожилась. А это что еще такое? О чем он?

— Мы провели проверку.

— И?

— Исследование тоже.

— И каков результат?

— Посмертное изъятие.

Катя старалась не упустить ни слова. Солнечногорск дачный, ты полон сюрпризов.

— Но труп поступил в морг в нормальном состоянии, — констатировал Миронов.

— Да, там же все документы оформлялись. Все описано, в том числе и состояние тела при поступлении. Причина смерти — цирроз печени. Умерший страдал алкоголизмом. Его тело оказалось безхозным. За ним никто не обращался для организации похорон.

— Он лежал у вас в хранилище морга... сколько?

— Три месяца, — сухо отчеканила патологоанатом.

— И что вы установили во время исследования?

— Посмертное изъятие кожных покровов. У него удалены... срезаны мягкие ткани на обеих стопах — на подушечках больших пальцев и пятках.

— И когда это могло произойти?

— После поступления в морг. Конкретное время хирургического вмешательства вам никто не скажет.

— А это хирургическое вмешательство?

— Ну, я это так называю. Хотя такие действия с трупом мог совершить и не медик-профессионал.

— И какова реакция руководства больницы?

— Мы написали заявление в полицию — что вы спрашиваете, вам же это отлично известно? Здесь мы провели внутреннее расследование.

— И какой результат?

— Все сотрудники морга написали объяснительные. Эксперты-патологоанатомы тоже. И я писала, и мой помощник. И из ординатуры. Но у нас тут еще занятия проводились — студенты двух медицинских колледжей и института. Это большая группа. И они все посещали и морг, и прозекторскую.